

Шэн Цзяньвэй уже начал теряться в догадках, о чём тот думает, и с некоторым раздражением спросил:

— Ты вообще хочешь что-то сказать?

Хуа Чжаошуй снова схватил его за рукав и искренне произнёс:

— Молодой господин, я буду старательно учиться. Только не бросайте меня здесь, не оставляйте на произвол судьбы.

Шэн Цзяньвэй наконец понял, что у него на уме, и не мог не улыбнуться, глядя на него:

— Ты так боишься, что я брошу тебя здесь? Или того, что продам тебя в услужение?

Хуа Чжаошуй снова прикинулся жалким:

— Молодой господин, у нашей семьи денег хватает, не пообедем без этих моих нескольких лянов серебра.

— Откуда у тебя столько странных мыслей? Стоит тебе поспать, как ты уже придумываешь бог знает что? — Шэн Цзяньвэй ущипнул его за щёку, но тут же словно что-то вспомнил и добавил:

— Или ты считаешь, что твой молодой господин — настоящий злодей?

Хуа Чжаошуй тут же сжал губы, быстро обдумывая, как выкрутиться, и сказал:

— Это всё потому, что вы раньше постоянно говорили, что отдадите меня кому-то. Вот я и боюсь.

— Правда? — Шэн Цзяньвэй окинул его взглядом и, видя его напряжённое лицо, не удержался от улыбки:

— Спи здесь, а я буду в соседней комнате. Устраивает? Разве я когда-нибудь тебя обманывал?

— Вчера, — Хуа Чжаошуй смотрел на него с недоверием.

— ...Ты злопамятный, — Шэн Цзяньвэй погладил его по щеке:

— Тогда выбирай сам: спать здесь или ждать у моей двери.

Хуа Чжаошуй посмотрел на него серьёзно и произнёс:

— Тогда я буду здесь спать.

Шэн Цзяньвэй рассмеялся, хлопнул его, чтобы тот слез с колен, и сказал:

— Не будь таким мнительным. Если бы я хотел тебя продать, разве позволил бы сейчас сидеть у меня на коленях? Бестолковый.

Хуа Чжаошуй тихо фыркнул, но не посмел показать недовольство и лишь опустил голову, скрывая лицо.

Когда молодой господин вышел, Хуа Чжаошуй всё ещё сомневался. Он приложился ухом к двери, подслушал, убедился, что Шэн Цзяньвэй действительно разговаривает с кем-то в

соседней комнате, и только тогда успокоился, пошёл досыпать.

Он последние несколько дней плохо спал, так что, едва коснувшись подушки, уснул. Неизвестно, сколько времени прошло, но его разбудил чей-то вес.

Хуа Чжаошуй в полудреме несколько раз толкнул того, кто навалился сверху, не желая открывать глаза, пока губы не прикусили больно. Он зашипел:

— Больно...

— Только что говорил, что боишься, как бы тебя не продали, а спишь так крепко, что если тебя украдут, даже не заметишь.

Хуа Чжаошуй наконец узнал голос, вздрогнул, попытался сесть, но был крепко прижат к постели. Поднял голову, но бессильно упал обратно на подушку. Разобрав, кто это, облегчённо выдохнул:

— Молодой господин, вы так быстро вернулись.

— Уже стемнело, лентяй, — Шэн Цзяньвэй ущипнул его за щёку и снова поцеловал в губы, специально подшучивая:

— Выходил ради крабов, а люди уже поужинали, а ты всё спишь.

Как и ожидалось, Хуа Чжаошуй с горем воскликнул:

— Тогда лучше бы я не просыпался.

Шэн Цзяньвэй рассмеялся, поцеловал его в глаза:

— Ты такой доверчивый, правда нужно беречься, как бы тебя не продали.

Хуа Чжаошуй открыл глаза, посмотрел на него, вроде бы понял, и с обидой пробормотал:

— Беречься мне, похоже, надо от вас...

Едва он пробормотал, его снова укусили. Если бы не прижимали, он бы подпрыгнул от боли и простонал:

— Ой, больно! Молодой господин, не кусайте, а то порвёте губы, как же мне есть крабов!

Шэн Цзяньвэй промолчал, сжал его волосы и поднялся:

— Вставай, вижу, у тебя в голове кроме еды пустота.

Хуа Чжаошуй, выспавшись и предвкушая, как скоро будет есть крабов, выглядел оживлённым, шёл с высоко поднятой головой.

Они прошли по длинной галерее, увитой виноградной лозой. Солнце только что село, в воздухе ещё оставалась дневная жара, но уже веял прохладный вечерний ветерок. Луна сияла ярко, и на душе было легко.

Дойдя до конца галереи, Хуа Чжаошуй с острым глазом заметил, что на каменном столе впереди расставлены блюда, а посередине стоит белый фарфоровый кувшин — наверняка с

хорошим вином.

Подойдя ближе, обнаружил, что слуги отошли. Кроме них двоих никого не было. Хуа Чжаошуй выглянул, спросил с сомнением:

— Молодой господин, господин Сюй не придёт?

Шэн Цзяньвэй уже сел, отложил в сторону напускной складной веер и сказал:

— Сегодня Праздник середины осени, господин Сюй, конечно, поедет домой к семье. А тут стол полон крабов, которые ты хотел, как о чём другом ещё думать?

Хуа Чжаошуй подсел, осторожно спросил:

— Молодой господин, а мне можно сесть?

— Если хочешь есть стоя — пожалуйста.

Услышав это, Хуа Чжаошуй тут же сел напротив господина, услужливо налил ему вина и радостно сказал:

— Спасибо, молодой господин. Впервые за праздник мне не нужно работать и можно сидеть за столом.

Шэн Цзяньвэй усмехнулся, взглядом предложил налить и себе:

— А как раньше проводил?

Хуа Чжаошуй налил себе, поставил кувшин, рукой приподнял рукав, прикрыв лицо, оставив только глаза, и сказал:

— Вот так.

Улыбнулся, но потом приуныл:

— Когда вернёмся, скоро Праздник двойной девятки. В усадьбе будет пир, мастер обязательно проверит наше мастерство. Я так давно не тренировался, скорее всего, меня накажут.

Шэн Цзяньвэй раскрыл краба, протянул ему:

— Ты находишься в моих покоях, а он осмелится тебя наказать?

Хуа Чжаошуй с благодарностью принял краба:

— Спасибо, молодой господин, я правда не умею их есть, только благодаря вам могу попробовать.

Зачерпнул ложкой мяса, поднёс ко рту:

— Вы — мой хозяин, а мастер — мастер. Если он захочет наказать, то это будет в Западном саду, вы не увидите. К тому же, если не потренируюсь как следует, тогда выступление провалю, и наказание будет не таким простым.

Шэн Цзяньвэй смотрел, как он ест:

— Ладно, о празднике поговорим потом. Ешь крабов, ты несколько дней только о них и

говоришь.

Хуа Чжаошуй проглотил, удивился:

— Я говорил?

— Ты не говорил прямо, ты намекал.

— Молодой господин, я невиновен!

Шэн Цзяньвэй видя его серьёзность, рассмеялся:

— Ты всю дорогу то и дело говорил: «Рисовая каша с крабовым мясом от молодого господина такая вкусная, никогда ничего подобного не ел». Разве это не намёк?

— Я просто благодарен вам за доброту! — Хуа Чжаошуй отложил ложку, оправдываясь:

— И правда вкусно, поэтому я и говорю.

— Ладно, шучу я. С твоими мозгами такого не придумать.

Хуа Чжаошуй услышал первую фразу, потянулся за ложкой, но, услышав вторую, озадачился. Через мгновение понял:

— Молодой господин, вы снова говорите, что я глупый. То говорите, что я трусливый, то глупый, а вчера ещё говорили, что мой рот...

Договорил до половины и остановился, вспомнив, что это не для всякого места, сжал губы и замолчал.

Господин наоборот рассмеялся:

— Ты же на меня жаловался? Почему замолчал? Стыдно?

Хуа Чжаошуй посмотрел на него, пролепетал:

— Это... я первый раз делаю, как можно быстро... научиться. Так что не потому, что глупый.

Шэн Цзяньвэй громко рассмеялся, подозвал его:

— Иди сюда.

Хуа Чжаошуй уже привык, подошёл и сел к нему на колени:

— Молодой господин, мне кажется, здесь сладости тоже вкусные.

— Тогда упакую тебе несколько коробок, возьмёшь домой.

Хуа Чжаошуй тут же отблагодарил, радостно поцеловал в щеку и с гордостью сказал:

— Молодой господин, это считается намёком?

Шэн Цзяньвэй был в восторге, рука сжала его талию:

— Ты так хочешь учиться? Тогда вечером научу чему-то другому.

Голос стал проникновенным, Хуа Чжаошуй вспомнил ощущение в горле вчера, невольно втянул голову:

— Молодой господин, но горло ещё немного болит, можно, подождём пару дней?

Шэн Цзяньвэй поднёс вино к его губам, прошептал на ухо:

— Поэтому сегодня ртом не будем, используем другое.

Маленький цветок: слабый, жалкий и любящий поест (игра слов).

Кажется, почти никто не читает, поэтому пока планирую 5 обновлений в неделю, а два дня отдохну~

<http://bllate.org/book/16756/1562826>